

ЧИСЛО 6

CMI INSIGHT

ИЮНЬ 2021 Г.

фото: Леви Меир Клэнси,
Unsplash

Гуманитаризм: обзор.

АВТОР

Антонио Де Лаури
Профессор-
исследователь, CMI

Гуманитарная помощь начала распространяться по всему миру примерно с середины XIX века. В наши же дни она уже превратилась во что-то глобально-спасительное, в то, что скрывается в понятии «гуманитаризм». В суффиксе «изм» таится множество меняющихся и способных приспосабливаться к окружающей нас действительности убеждений, опыта, категорий и рассуждений, которые объединены одной общей чертой под названием «гуманность».

Гуманитаризм воплощается не только в этике, но и в огромном количестве действий и поступков, отличающихся между собой формами выражения, но схожих в своих идеалистических намерениях. Его основные гуманные признаки, такие как «нейтральность», «независимость», «человечность» и «беспристрастность», являются фундаментом современного государственного подхода, основанного на сочувствии и милосердии. Гуманитаризм – это не просто ответная реакция на кризис, это масштабная, четкая и постоянно развивающаяся сеть акторов, политиков и организаций. Это способ *вмешательства* в мир с целью его улучшения. Это глобальное мировоззрение, стремящееся помочь человечеству в чрезвычайных, постоянно меняющихся условиях. Гуманитаризм, со своими идеями освобождения и спасения, является неотъемлемой и важной чертой современности.

Гуманитаризм и образование.

В послевоенных и посткризисных условиях жизни национальные власти, международные и неправительственные организации должны обеспечить образованием детей, вынужденных покинуть свои дома или ограниченных в перемещениях. Эти лишённые детства дети живут в условиях, где отсутствует инфраструктура и нет квалифицированного персонала. Многие из них, уже потерявшие свои семьи, подвергаются собственной жизни ежедневной опасности. Во время вооружённых конфликтов школы могут подвергаться прямым нападениям. В сельской местности, например, они зачастую являются единственными постоянными постройками и из-за этого становятся крайне уязвимы к обстрелам, блокаде и мародерству. Местные учителя, считающиеся важными членами общества, могут тоже стать основной мишенью как из-за своих политических взглядов, так и из-за того, что порой они являются единственным воплощением власти в какой-нибудь изолированной деревне. Разрушение образовательных сетей является одним из наиболее серьёзных демократических последствий в странах, затронутых конфликтом. Годы, требующиеся на возрождение общего и профессионального образования, превращают послевоенное восстановление в очень сложный

и длительный процесс (Aguilar and Retamal 2009). Основные положения Конвенции о правах ребенка 1989 года гласят, что государства – участники «обязуются принимать все возможные меры с целью обеспечения защиты затрагиваемых вооружённым конфликтом детей и ухода за ними», «признают право ребенка на образование» и «с целью постепенного достижения осуществления этого права вводят бесплатное и обязательное начальное образование».

Из-за большого количества детей, находящихся в зонах конфликтов и войн, образование в чрезвычайных ситуациях переросло в отдельную отрасль гуманитарной помощи. Часто оно является частью еще более обширной программы, направленной на изменение социальной ситуации и на развитие жизнестойкости на общинном уровне.

В соответствии с международным правом перемещенные дети-беженцы могут посещать обычные школы в принимающих странах, но на практике это происходит очень редко. Некоторые правительства не только сами отказываются организовывать образовательную деятельность для детей-беженцев, но зачастую не позволяют сделать это даже гуманитарным организациям (Aguilar and Retamal 2009). В чрезвычайных ситуациях, для предоставления еще больших возможностей, образование можно получать как временно на дому (Kirk and Winthrop 2007), так, например, и в лагерях для беженцев и школах принимающих стран. Спектр внимания, направленный на защиту детского права на образование в зоне конфликта, варьируется от поддержки семей до постройки новых школ. Одна из основных задач – это задача реинтегрирования школ в общественную образовательную систему. Немаловажным является также и аспект доверия к образованию. Передача жизненно необходимых навыков, важность здравоохранения, равенство полов, формирование ответственной гражданской позиции, экологическое просвещение, защита таких маргинализированных групп населения, как сексуальные меньшинства, дети с ограниченными возможностями и не посещающие школу подростки, все это является приоритетными целями образования (Sinclair 2007).

Не смотря на то, что существуют специальные процедуры и соглашения, призванные гарантировать доступ к образованию, на деле они часто оказываются неэффективными, не справляются с поставленными задачами и, как следствие, не могут обеспечить качественное обучение (Gallano 2018). Совместный анализ образовательных проектов выявляет наличие проблем в сложных чрезвычайных ситуациях, следит за получением новых знаний и ставит в центр внимания интересы ребенка (MacLure 2006). Последнее предполагает учет не только формального обучения, но также и неформальных образовательных процессов, которые могут играть важную роль в обществе, особенно в период конфликтов (Anderson and Mendenhall 2006).

Гуманитаризм и гражданское общество.

Концепция гражданского общества восходит к латинскому термину *societas civilis* («гражданское общество»), автором которого является Цицерон. Этот термин, в свою очередь, является развитием идеи Аристотеля о *koinonia politike* («политическом обществе»). В наши дни это определение можно напрямую связать с современной европейской идеей, которая рассматривает гражданское общество как плотную сеть групп, сообществ, систем и связей между человеком и современным государством (Kenney 2007). Обычно его называют «третьим сектором общества», отличным от государства и рынка. Согласно Всемирной Организации Здравоохранения, гражданское общество подразумевает коллективные действия, объединенные общими интересами, целями и ценностями. Не смотря на то, что его институциональные формы отличаются от институциональных форм государства, семьи и рынка, границы между гражданским обществом, государством, семьей и рынком нечеткие и требуют обсуждения. Гражданское общество объединяет различные сферы, акторов и институциональные формы, отличающиеся степенью формальности, автономии и власти. В него входят зарегистрированные благотворительные организации, неправительственные организации, общественные группы, женские организации, религиозные организации, профессиональные организации, профсоюзы, группы взаимопомощи,

общественные движения, бизнес ассоциации, объединения и инициативные группы (ВОЗ 2007). Организация Объединенных Наций (ООН) считает взаимодействие с гражданским обществом наиважнейшим фактором, необходимым как для поддержания работы организации, так и для продвижения и укрепления ее идеалов (www.un.org). ООН также высказывает свое мнение и об общей ситуации в гуманитарном секторе, где гражданское общество характеризуется противоречиями и разногласиями. Примером этому является деятельность гражданского общества. Не смотря на то, что для осуществления этой деятельности стратегически необходимо участие местных партнеров, она зачастую реализуется международными гуманитарными акторами, целью которых является законность и правомерность, а не обеспечение причастности на местном уровне.

«Третий сектор» начал быстро расти с конца 1990х годов. То, что многие называют «революцией глобальных организаций» индустрии помощи, было связано, как минимум, с тремя основными элементами: растущим государственным кризисом в сфере обеспечения социального благополучия и защиты, увеличением количества частных и общественных акторов (вдохновляемых новой информацией и коммуникативными возможностями), и влиянием неолиберализма (Salamon et al. 1999). Но, не смотря на быстрый рост и укрепление идеи «глобального гражданского общества», сам термин «гражданское общество» остается не до конца ясным и неоднозначно интерпретированным, применяясь по разному в зависимости от времени и места (Foley and Edwards 1996). Например, гражданское общество было использовано для обеспечения политических и экономических преобразований в бывших коммунистических странах, а также для продвижения демократии и прав человека в нестабильных государствах (Roy 2005). Критики также отмечают, что глобальное гражданское общество уделяет все меньше и меньше внимания всеобщим правам, акцентируя внимание на политике дисциплинирования населения (Puravac 2005).

Другой ключевой вопрос заключается в следующем: есть ли смысл отличать «гражданское»

общество от «политического»? Различные группы гражданского общества, от заинтересованных групп до религиозных организаций, постоянно мобилизованы для политических целей. Ввиду этого, нет четкого различия между политическими и гражданскими группами. Как следствие, сам термин гражданского общества двусмысленен, т.к. неясно, когда «гражданское» становится «политическим» (Foley and Edwards 1996).

Но некоторые не обращают внимание на терминологию и рассматривают гражданское общество (или глобальное гражданское общество) как самостоятельного гуманитарного актора. А это значит, что оно имеет право на гуманитарную помощь (Miglinaité 2015). Кто-то же скептически относится к универсальному характеру гражданского общества, особенно из-за его склонности к распределению ролей в различных социальных группах, вовлеченных в менее важные гуманитарные организации.

Гуманитаризм и границы.

Мир без границ всегда был заветной мечтой для сторонников глобализации, будь они большими корпорациями или гуманитарными организациями. Тем не менее, увеличение количества стен и барьеров не мешает ни распространению дискуссий о безграничном пространстве, ни глобальным финансовым потокам. Наоборот, эти стены, возведенные вдоль и поперек этих дискуссий и потоков, разграничивают «разломы глобализации» (Ritaine 2009). Стены и барьеры усугубляют неравенство и символизируют усиление привилегированного меньшинства, которое защищает свои привилегии этими барьерами. Французский географ Розьер назвал это явление термином «*teichopolitics*» т.е. политикой построения барьеров (Rosiere and Jones 2012). В то же время эти пограничные стены, являясь противоречивым примером власти и суверенитета, формируются так называемой «домашней политикой» или *domopolitics*. Этот термин был использован Уолтерсом для обозначения внутренней политики государства, направленной на создание и урегулирование внутренних безопасных границ. Это физические границы через которые материализуются понятия дома и защиты (Walters 2004). В условиях кризиса не только специально возведенные, но и естественные физические границы, такие как

пустыня или море, становятся инструментом сдерживания и патрулирования, усугубляя таким образом ситуацию и делая еще больший акцент на неравном положении между теми, кто может пересечь границу и теми, у кого нет такой возможности.

Кризис границ в так называемых Западных демократиях превратился в общественную проблему из-за неспособности правительства контролировать потоки мигрантов и беженцев, и останавливать террористов. Помимо усугубляющейся ситуации с политикой безопасности кризис показал, что гуманитарные границы – это зоны, где практика взаимопомощи и спасения тесно переплетается с практикой контроля и поддержания порядка. Например, миграционный кризис 2015 года не только явно показал насколько нефункциональна европейская система предоставления убежища, но также продемонстрировал как, благодаря рассказам о «помощи», запрет превратился в этически-нравственную стратегию пограничного управления (Moreno – Lax 2018). На местном уровне безопасности мигрантов мешает политика, поддерживающая милитаризирование границ (Williams 2016).

Ясное и убедительное определение гуманитарной границы дал Уильям Уолтерс (2010). Он объяснил, что сначала идея гуманитарной границы может звучать как оксюморон. Современный гуманитаризм часто описывается как сила, которая во имя человечества, находящегося под угрозой, преодолевает барьеры как национальной, так и международной систем. Тем не менее, Уолтерс полагает, что было бы заблуждением поставить знак равенства между гуманитарными проектами и детерриторизацией. В то время как гуманитарные действия могут нарушать определенные государственные нормы, распространение гуманитарной силы неразрывно связано с созданием новых пространств. Гуманитаризм создает новую географию пространств, разграничивая определенные территории как «гуманитарные зоны». Этими территориями становятся страны, охваченные конфликтом, районы, пораженные голодом, государства, стоящие на грани кризиса; или же зоны, где современные государственные границы и доступ к национальным территориям превратились в регионы гуманитарного правительства (Walters

Фото Маркуса Списке на Unsplash

2010: 139). Сегодня многочисленные границы мы наблюдаем в Европе, Соединенных Штатах, Австралии, Африке и на Среднем Востоке. В Европе, например, увеличение количества пограничных барьеров, тюрем и приютов с одной стороны, и ужесточение пограничного патрулирования, морского контроля и депортаций с другой стороны, свидетельствуют о новом этапе пограничной истории: гуманитаризации европейских границ как зон, пораженных глубоким кризисом.

Традиционно одной из главных задач пограничного контроля является сохранение государственного суверенитета над определенными территориями, благодаря практике регулирования тех, кто может пересекать границу. Для этой цели пограничный контроль использует различные методы, начиная от применения физической силы и ограничения в передвижении, и заканчивая полным отказом в пересечении границы (De Lauri 2019a). С увеличением количества гуманитарных границ пограничная политика стала пересекаться с практикой помощи беженцам и мигрантам в их «родных странах». Таким образом, экстернализация европейских границ и политика неприятия предстают как действия

пограничного контроля, вызванные состраданием и являющиеся ответом на кризис и опасность. Патрулирование берегов, труднодоступность центров по приему иммигрантов и ограждение территорий стали гуманитарной реакцией как на чрезвычайное положение мигрантов и беженцев, так и на пограничный кризис в целом. Сегодня взаимосвязь между гуманитарными поисково-спасательными операциями и действиями суверенных государств на европейских границах представляет на европейской территории динамику, существующую во всем мире, благодаря гуманитарному милитаризму, уже не один десяток лет. Это динамика параллельного развития помощи и глобального правопорядка (De Lauri 2019b). Не смотря на разнообразие географических, исторических и культурных факторов, характеризующих гуманитарные границы во всем мире, невозможно не отметить важность международных диалогов о пограничной безопасности, основанной на сострадании и объединяющей в себе гуманитарную динамику, поддержание правопорядка и милитаризацию, изменяя таким образом традиционное понимание границ, сформированное по принципу территориальности (Little and Vaughan-Williams 2017).

Список используемых источников и литературы:

- Aguilar, P. and Retamal, G. (2009) Protective Environments and Quality Education in Humanitarian Contexts. *International Journal of Educational Development*, 29: 3–16.
- Anderson, A. and Mendenhall, M. (2006) Education and Conflict: Research, Policy and Practice. *Forced Migration Review*, Refugee Studies Centre.
- Barnett, M. and Weiss, T. eds. (2008) *Humanitarianism in Question. Politics, Power, Ethics*. Cornell University Press.
- Constantinou, C. (2013) Between Statecraft and Humanism: Diplomacy and Its Forms of Knowledge. *International Studies Review*, 15(2): 141-162.
- De Lauri, A. (2018) *Humanitarian Diplomacy: A New Research Agenda*. CMI Brief.
- De Lauri, A. (2019a) A Critique of the Humanitarian (B)order of Things. *Journal of Identity and Migration Studies*, 13(2): 148–166.
- De Lauri, A. (2019b) Humanitarian Militarism and the Production of Humanity. *Social Anthropology*, 27(1): 84–99.
- De Lauri, A. ed. (2020) *Humanitarianism: Keywords*. Brill.
- Foley, M.W. and Edwards, B. (1996) The Paradox of Civil Society. *Journal of Democracy*, 7(3): 38–52.
- Gallano, H.R. (2018) *Education Capacity Self-Assessment. Transforming the Education Humanitarian Response of the Rohingya Refugee Crisis*. Working Document, Bangladesh.
- Kenny, M. (2007) *Civil Society*. www.britannica.com.
- Kirk, J. and Winthrop, R. (2007) Home Based Schools: A Transitional Educational Model in Afghanistan. In: F. Leach and M. Dunne (eds.), *Education, Conflict and Reconciliation. International Perspectives*. Peter Lang.
- Little, A. and Vaughan-Williams, N. (2017) Stopping Boats, Saving Lives, Securing Subjects: Humanitarian Borders in Europe and Australia. *European Journal of International Relations*, 23(3): 533–556.
- Maclure, R. (2006) Pragmatism or Transformation? Participatory Evaluation of a Humanitarian Education Project in Sierra Leone. *The Canadian Journal of Program Evaluation*, 21(1): 107–129.
- Magone, C., Neuman, M., and Weissman, F. (2011) *Humanitarian Negotiations Revealed. The MSF Experience*. Hurst & Co.
- Mancini-Griffoli, T. and Picot, A. (2004) Humanitarian Negotiation: A Handbook for Securing Access, Assistance and Protection for Civilians in Armed Conflicts. Centre for Humanitarian Dialogue.
- Miglinaité, R. (2015) Global Civil Society as a Humanitarian Actor: Constituting a Right of Humanitarian Assistance. In: P. Gibbons and H.J. Heintze (eds.), *The Humanitarian Challenge*. Springer.
- Minear, L. and Smith, H. (2007) *Humanitarian Diplomacy: Practitioners and their Craft*. UN Press.
- Moreno-Lax, V. (2018) The EU Humanitarian Border and the Securitization of Human Rights: The “Rescue through Interdiction/Rescue without Protection” Paradigm. *Journal of Common Market*, 56(1): 119–140.
- Pease, K. (2016) *Human Rights and Humanitarian Diplomacy*. Manchester University Press.
- Pupavac, V. (2005) The Demoralised Subject of Global Civil Society. In: G. Baker and D. Chandler (eds.), *Global Civil Society: Contested Futures*. Routledge.
- Régnier, P. (2011) The Emerging Concept of Humanitarian Diplomacy. *International Review of the Red Cross*, 93(884): 1211–1237.
- Ritaine, E. (2009) La Barrière et le checkpoint: Mise en politique de l’asymétrie. *Culture et Conflits*, 73: 15–33.
- Rosiere, S. and Jones, R. (2012) Teichopolitics: Re-considering Globalisation through the Role of Walls and Fences. *Geopolitics*, 17(1): 217–234.
- Roy, O. (2005) The Predicament of “Civil Society” in Central Asian and the “Greater Middle East.” *International Affairs*, 81(5): 1001–1012.
- Salamon, L.M. et al. (1999) *Global Civil Society. Dimensions of the Nonprofit Sector*. The Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project.
- Sinclair, M. (2007) *Education in Emergencies. Commonwealth Education Partnerships*.
- Turunen, S. (2020) Humanitarian Diplomatic Practices. *The Hague Journal of Diplomacy*, 15(4): 459–487.
- Walters, W. (2004) Secure Borders, Safe Haven, Domopolitics. *Citizenship Studies*, 8(3): 237–60.
- Walters, W. (2010) Foucault and Frontiers: Notes on the Birth of the Humanitarian Border. In: U. Bröckling, S. Krasmann, and T. Lemke (eds.), *Governmentality: Current Issues and Future Challenges*. Routledge.
- Williams, J. (2016) The Safety/Security Nexus and the Humanitarianisation of Border Enforcement. *The Geographical Journal*, 182(1): 27–37.
- WHO (World Health Organization) (2007) *Civil Society Report*. www.who.int.